
ИЗ АРХИВА ЛЕВОНА МКРТЧЯНА
Андрей Битов на кафедре русской литературы ЕГУ, 1985*

В мае 1985 года Битов в очередной раз приехал в Ереван. В дневник 1985 года Л.Мкртчян внес несколько записей:

«7 мая говорил по телефону с Андреем Битовым¹. Он взял билет на Ереван (вылетает 13-го числа). Говорили о его минимумах, о диссертации, кот<орую> он будет защищать.

<Я> Рассказывал о Мексике, о бое быков: понять это невозможно, можно только сказать о своем ощущении. По-моему, быков обманывают, обманывают их прямому и честность.

– Я тоже так думаю, знаешь, я родился в год быка. И этот год – год быка ...

13 мая прилетел Андрей Битов. Вечером (допоздна) у Гранта Матевосяна. 14 мая 1985 г. у ректора С.А.Амбарцумяна.

Грант: – Надо знать капризы языка. Чужой язык человек не знает, так как он не знает капризов языка.

Андрей Битов:

– Если это чужой язык, и если ты говоришь правильно, то оказывается вдруг, что нет скорости языка. Язык имеет скорость.

14 мая 1985 г. Андрей Битов сдавал кандидатский минимум по русской лит.<...> Это был не экзамен, конечно, была беседа, он нам говорил о Гончарове, о Достоевском, о Пушкине («Борис Годунов», «Маленькие трагедии»), говорил о статье Ленина «Памяти Герцена».

15 мая в 2 часа консультировались у ученого секретаря относительно кандидатской диссертации Битова «Поздний Пушкин. К вопросу о творческом «я»». Остро встал вопрос о научном руководителе Битова-соискателя. Никто из нас не мог написать, что он науч.руководитель Битова-пушкиниста. (Любой из нас попал бы в смешное

---

* О Левоне Мкртчяне и его архиве см.в: «Вестник ЕУ. Русская филология», 2015, №1, с.16. За прошедшие годы в журнале состоялся целый ряд публикаций «из архива», подготовленных К.Саакянц. Настоящая публикация, посвященная памяти Андрея Битова, помещается в продолжение первой (см. №1, 2019, с.19-43). Представленные во вступительной заметке к данной публикации дневниковые записи Л.Мкртчяна, как и другие детали публикуемого текста, освещают заслуживающий внимания факт биографии и творческой работы выдающегося русского писателя (инициированная Л.Мкртчяном попытка защитить в ЕГУ в качестве кандидатской диссертации свой текст о Пушкине), а также отражают дружески-непосредственный характер, стиль и творческий уровень его армянских контактов.

¹ В мае 1985 года Л.Мкртчян, возвратившись из Мексики, на несколько дней задержался в Москве. И по своему обыкновению обзвонил всех своих московских друзей, в тот же день, 7 мая, внес запись о своем разговоре и с Александром Межировым.

положение, сам бы себя поставил.) Выяснили, что можно защитить диссертацию (пар.28 «Положения») без научного руководителя.

17 мая 1985 г. Андрей Битов выступал на кафедре, на обсуждении своей диссертации. «Поздний Пушкин. К проблеме творческого «я»». Говорил Андрей скоро и споро, речь льется».

Прежде чем привести выступление Битова (оно было записано на диктофон и в архиве сохранилось в машинописи, отразившей некоторые особенности устной речи), приведу еще одну запись из дневника Мкртчяна:

«Вечером 17 мая у Гранта Матевосяна.

Андрей: – Я прочел «Разговоры с поэтом»². Есть высказывания изумительные. Ты запоминаешь разговоры или записываешь сразу?

Андрей Битов то и дело возвращался к тексту постановления о пьянстве. Одобрял.

– Только бы цензура не стала свирепствовать. У меня в грузинских записках есть глава о том, как варят самогон. Могут снять.

Я спросил о «Метрополе»². Как это случилось? Почему вы опубликовали сборник за рубежом?

– Мы этого не хотели. Теперь спрашивают, как это случилось. Это все равно, что спрашивать человека, попавшего под трамвай, как это случилось. Ведь можно наверняка сказать, что человек не хотел попасть под трамвай.

Понедельник. 20 мая утром (в 8 часов) провожали с Грантом Матевосяном Андрея Битова в Москву».

Запись от 20 мая – последняя из дневниковых записей Левона Мкртчяна, относящихся к приезду Битова в Армению в 1985 году. В дневник 1985 года, куда ее внес Левон Мкртчян, вложена и машинопись выступления писателя на кафедре русской литературы ЕГУ.

Несмотря на то, что диссертация была обсуждена на кафедре и рекомендована к защите, писатель не стал ее защищать. В 1986 году в Москве, в издательстве «Советский писатель» вышла в свет книга Битова «Статьи из романа», куда он включил и свою научную работу, озаглавив

---

² Речь о кн.: **Левон Мкртчян**. Разговоры с поэтом. Ер., 1984. (Книга представляет разговоры с выдающимся армянским поэтом Амо Сагияном, 1914-1993).

² «**Метрополь**» – сборник неподцензурных текстов известных литераторов (В.Высоцкий, Б.Ахмадулина, А.Вознесенский, Ю.Алешковский, Е.Рейн, Г.Сапгир Ю.Карабчиевский, Ю.Кублановский и др.), а также авторов, не допускавшихся в «эпоху застоя» к официальной печати. Сборник был издан тиражом 12 экземпляров в Москве в декабре 1978 года самиздатским способом – в виде машинописи. Один из его экземпляров был нелегально вывезен в США и в 1979 г. издан там сначала репринтным способом, впоследствии в новом наборе. Идея выпуска сборника «Метрополь» принадлежала Виктору Ерофееву и Евгению Попову, которые подключили к работе В. Аксёнова, Ф. Искандера, А. Битова и других литераторов. Суть проекта заключалась в том, чтобы разместить в сборнике неподцензурных текстов произведения, отклонённые советскими издательствами. После издания сборника за рубежом его инициаторы и авторы подверглись разного вида гонениям. С «опальностью» А. Битова как участника «Метрополя» связана и попытка «защититься», при поддержке друзей, в Армении.

ее «Предположение жить. Воспоминание о Пушкине»³.

В 90-ые годы по понятным причинам встречи и контакты Мкртчяна с Битовым стали реже, однако несмотря на изменившиеся реалии, в 1997 году в Ереване отметили юбилей писателя. Андрея Битова чествовали 30 октября, и в связи с 60-летием ему была присуждена степень Почетного доктора ЕГУ. Мкртчян сохранил ксерокопию выданного Битову диплома, который гласит:

«Решением Ученого Совета от 30 октября 1997 года

за выдающийся вклад в литературу XX века

и общественную деятельность, сближающую народы,

АНДРЕЮ ГЕОРГИЕВИЧУ БИТОВУ

присуждается степень:

«Почетный доктор Ереванского государственного университета»

Ректор

академик Р.МАРТИРОСЯН

№024

30 октября 1997

г.Ереван

Под этим текстом Мкртчян сделал короткую запись: «В тот же день, 30 октября, в четверг, диплом вручили Битову». А на обороте копии написал: «Битов, вечером 30 октября после банкета в ресторане Союза писателей Армении (вечер, посвященный ему, завершился ресторанным обедом с музыкой), уже во дворе СП (около 10 часов вечера) сказал мне: «С шестидесятилетием меня поздравили Ельцин (было почему-то две телеграммы), Явлинский... Пошел на кладбище, на могилу отца, дяди, матери, а там бронзовый крест стащили, спилили. Я даже доискиваться не стал, кто это сделал. Сделавший страшно будет непременно наказан».

В тот свой приезд Битов подарил Мкртчяну роман «Пушкинский дом» (М., «Известия», 1990) и составленную им небольшую брошюрку «Начатки астрологии русской литературы» (М., «Фортуна-лимитед», 1994), соответственно надписав: «Дорогому Левону – профессору от доктора – Thanks! 30.X. 97, Ереван» и «Профессору Левону с почтением от составителя – доктор Андрей. 30.X.97. Ереван. P.S. «Круги» - читать как текст!»⁴.

Каринэ Саакянц

³ Левону Мкртчяну он подарил эту книгу с такой надписью: «Дорогому Левону от странствующего аспиранта. С любовью – Андрей. 23.4.86» В библиотеке Л.Мкртчяна несколько книг Битова, заслуживают внимания и их дарственные надписи. Так, книжку «Последняя повесть», вышедшую в «Библиотеке «Огонька»» (№15, М., «Правда», 1988), Битов надписал: «Левону Мкртчяну – НЕпоследняя повесть – будущий профессор и нынешний друг – Андрей Битов. 13 июля 88, Ереван».

⁴ Битов имел в виду первую главу брошюрки, которая называется «Зверинец. Или Векторный круг русской литературы». В ней представлен диалог Битова с председателем совета Межрегиональной федерации астрологов, директором Академии астрологии Михаилом Левиным.

Выступление А. Г. Битова

Практическая цель моего выступления – попытаться кратко объяснить, что же я сделал так длинно. Из чего исходил и в чем я мог быть в какой-то степени нов – это, конечно, не мне судить, поскольку пушкиноведение в последнее время имеет такой «девятый вал», и так этого много, и настолько в этом не разобраться, и столько тут вариаций, иногда интересных, иногда чисто вольных, что, вступая в эту область, трудно претендовать на полную новизну, и я думаю, что только методологически я в каком-то плане на нее претендовал. Я старался во всем этом исходить в основном из пушкинских текстов, не пользуясь никакими достижениями пушкинистики, кроме тех, которые выразились непосредственно в изданиях Пушкина, то есть в текстах и выжимках самых точнейших, позднейших комментариев, то есть не залезать в толкования, не залезать в гипотезы, связанные с его жизнью, а постараться анализировать состояние поэта на основании тех свидетельств, которые он нам сам соизволил оставить. Вот это принципиально новый для меня метод (не знаю, насколько он нов), но я должен был принципиально ограничить свои исследования только текстом.

Пафосом этой работы явился спор, не вполне гласный, но широко распространенный о том, завершен ли в полной мере Пушкин? Потому что существует такая тенденция, и если она не прорывается в науку в открытых убеждениях, то во всяком случае лежит в основе заключений о том, что Пушкин вполне все сделал и поэтому его конец сам собой по судьбе напрашивался (не этот, а другой).

Вопрос последовательности. Что мы воспринимаем? Не воспринимаем ли мы за завершенность начало? Поздний Пушкин вполне может быть истрактрован и как начало будущего Пушкина, и как конец того Пушкина. Безусловно, здание достраивается, но в позднем Пушкине видны проекции, ростки, возможности совершенно другого Пушкина, переживи он определенный кризис и вступи он в определенную фазу. Мне кажется, что Пушкин сам вполне собирался жить дальше, и это был бы, по видимому, другой Пушкин.

Какой еще метод не покидал меня в процессе работы? Это исходное положение о единстве всего творчества, как ни в ком сказавшееся именно в Пушкине. То есть он от лицейских стихов до последних произведений является единым целым. То есть возможность рассмотреть Пушкина как единый текст во всем его творчестве. Я пытаюсь как-то доказать, что и сам Пушкин, нигде не проговариваясь на этот счет, тем не менее всегда имел это в виду. Он действительно не только видел каждое произведение, которое он делал, но и связь этого произведения со всеми произведениями, то есть в конечном счете он этот единый текст создавал. Об этом свидетельствуют очень многие вещи, в частности, та щедрость, с которой он вы-

черкивал из своих текстов, и анализ вычеркнутых мест всегда приводит к некоторому недоумению, потому что они вычеркнуты не по качеству, так сказать, поэтическому, а по общей задаче, которую ставит перед собой Пушкин, и включая даже письма, которые этот гений, этот человек, наиболее владевший речью, тем не менее в большинстве своем пишет как черновик и заботится о каждой строке как о неслучайной строке. Вот этим я руководствовался. Я рассматривал и единство судьбы и текста, и единство всего текста, и жизнь и творчество как единый текст, и творчество все как единый текст, и судьба и текст как единый текст. Вот из этого я исходил.

И потом к вопросу о «я». Дело в том, что именно такая заботливость Пушкина о единстве всего творчества приводила к тому, что его «я» нигде не присутствует для нас в таком, чересчур уж исповедальном, плане. Это его поэтическое «я» всегда подчинено автору в такой мере, что мы узнаем из его текста о нем лично только то, что он нам хочет сказать. И никакой возможности поймать Пушкина на том, что он где-то проговорился, не существует. Это полная власть над поэтическим «я». И я думаю, что контроль над этим поэтическим «я» отчасти тоже входит в вычеркнутого Пушкина. Значит, Пушкин вычеркивает те места из себя, в которых то ли обнажается, то ли резюмируется, то ли не в том смысле может быть прочтено «я». Пушкин необычайно заботлив о том, чтобы его литература выполняла именно ту задачу, которую он ставит перед собой. Так сказать, тенденции самовыражения или самоутверждения, расцветшей в более поздней литературе, Пушкин счастливо избегает. Поздние тексты Пушкина, начиная с «Памятника», который всю жизнь для меня был загадкой (и отчасти, именно из-за «Памятника» проводилось это исследование), его тексты в какой-то мере являются и свидетельствами поверх его задач. И если прочесть эти тексты, то там существуют его собственные оценки той ситуации, в которой он находился, несмотря на совершенно косвенные поводы.

Я взял предметом своего анализа 1836 год и в этом анализе двинулся как бы в обратном направлении, нарушая хронологическую последовательность. Первая глава является исходной для общедиссертационной работы: то ли это обзор, то ли взгляд на целого, уже существующего Пушкина, и на противоречия в оценках его современника, еще не отдалившегося от явления Пушкина и не видевшего ни его места, ни роли в жизни России и литературы, и тех оценок, которые даем мы, его потомки: не зная конкретных обстоятельств, изучая и поневоле лишь представляя их себе, потомок строит совершенно другого Пушкина. Эти два заблуждения идут навстречу друг другу и не позволяют нам увидеть целого Пушкина. Наши современники не могут это сделать, потому что мы отдалились от его конкретной ситуации и забыли те конкретные задачи, которые он ставил перед собой. А вот его современник просто не очень видит в полном объеме все, что происходит.

Следующие главы, уже непосредственно посвященные анализу позднего творчества Пушкина, построены мною как бы в попятном движении. Я начинаю с самого последнего текста, который остался после Александра Сергеевича, с его письма писательнице детской Ишимовой. Хотя в процессе изучения творчества Пушкина это письмо не является строго обязательным, оно, тем не менее, очень многое показывает нам в линии его поведения и в линии его жизненных планов. Он нам не оставляет никакого такого посмертного сочинения. И делает это, на мой взгляд, совершенно сознательно. Довольно трудно себе представить, зачем бы человеку, который имеет в проекции не вернуться, и человеку, который на протяжении четверти века представлял себе величие и величину своего назначения, отделяться от потомков такой неважной запиской. В этом есть и пример какого-то замечательного самообладания (как это обычно трактуется), но в самом деле, мне кажется, психологически это гораздо более тонкий маневр, это маневр перед судьбою, в котором он именно не хочет нам оставить ни плана своих сочинений, ни посмертного «не жалею, не зову, не плачу», ничего подобного: всякий такой жест ему претит, и он пошел.

Рассматривая не строго литературные произведения, а именно то, как Пушкин преодолел искушение оставить потомкам нечто такое прощальное, я перехожу к предыдущим текстам. И у меня концепция такая, что Пушкин вполне выжил бы, кабы ему удалась следующая Болдинская осень, хотя это не подходит к такому гармоническому гению. На самом деле, с нашей точки зрения, это так и есть: Пушкин – это сплошная система кризисов, это не кризис потери таланта, а кризис перерастания в новое качество, и мы эти кризисы наблюдаем уже начиная с первой же зрелости Пушкина, с 23-24 года. И это уже кризис, преодоленный в 25 году через «Бориса Годунова», затем кризис 28-29 годов, который преодолевается в Болдинской осени 30 года. И всякий кризис преодолевается в таком невероятном взрыве творчества. Последний, который мы рассматриваем, – это кризис осени 33 года. Он преодолевается «Медным всадником», «Пиковой дамой» и некоторыми попытками в 34, уже слегка неудавшимися. 35 год его уже утомляет обстоятельствами, 36 год утомляет окончательно, но на 36 у него есть свои надежды, и это прослеживается на всем протяжении первой половины 36 года. Не имея никакой возможности заниматься последовательным литературным трудом (и рождение четвертого ребенка, и занятия «Современником», и эти долги, которые набегают невероятно), тем не менее он имеет возможность такого очередного побега в данном случае не в Болдино, а в Михайловское, но этот побег ему не удастся.

Интересно, что на протяжении 36 года он пишет сокровенный свой страстной цикл, в котором мы никак не можем говорить о кризисе Пушкина, наоборот – о новом витке его лирических возможностей, а лирика для поэта зрелого – это показатель творческой силы, потому что лирика

дается с годами все трудней, и вот именно позднее качество этой поздней лирики (а лирика – это единственное, чем можно заниматься в раздробленном его времени), вот этот лирический цикл свидетельствует о полной его поэтической форме и силе: он готовит себя к этой осени, но эта осень у него не получается. Для меня это момент срыва у него. Я двигаюсь вспять и рассматриваю вплоть до этого цикла, то есть, когда, рассмотрев последовательно эти его кризисные тексты, я снова упираюсь в цикл, который свидетельствует о его полной силе (а это середина 36 года), и тогда становится ясно, что ни о каком исписавшемся Пушкине речи нет.

Если же проанализировать тексты от «Памятника» до записки Ишимовой, то в них записано четко и без всяких истолкований и его положение, и оценка им самим его положения. В частности, в статьях, которые долгое время публиковались как чисто критические, как написанные только для «Современника», статьи «Вольтер», «Железная маска» и неоконченная статья о Шатобриановом переводе мильтоновского «Рая». Там всюду дана очень четкая оценка его реального положения в 36 году, его литературных планов. Вычитыванием этих мест я и занимаюсь взамен истолкования подробностей чисто биографических, мемуарных. Мне кажется, то, что он говорит о себе в этих случаях, является свидетельствами первого ранга.

Ну, а все-таки центральным местом перелома является для меня «Памятник». «Памятник» – стихотворение, которому мы придаем необыкновенное значение, потому что мы его объявили завещанием, хотя, на мой взгляд, объявили завещанием неправомочно. Я посвятил большую главу попытке определить место «Памятника» в системе собственно творчества Пушкина, а не в той системе, которую мы назначаем уже вслед его оборванной жизни. И там я нашел такое любопытное сопоставление, которое гипотетически выдвигаю. Мне кажется, что эта гипотеза может быть подтверждена впоследствии более основательно, а именно: точка написания «Памятника». Накануне, буквально за две недели, он еще работает в системе этого страстного цикла, 1 августа он пишет очень печальное стихотворение «Когда за городом задумчив я брожу», которое вполне может принадлежать все еще страстному циклу, но оно действительно достаточно мрачное, что последующих исследователей заставляло сопоставлять «Памятник» и это стихотворение, говорить о том, что Пушкин уже предвидел свой конец. На самом деле это стихотворение является, строго говоря, антипамятником. Это я тоже пытаюсь достаточно просторно объяснить. Но за эту неделю происходят вот какие события. Написав это стихотворение, он получает от переписчика рукопись «Медного всадника» и начинает работу над правкой его для публикации. В свое время, в 33 году, он делает гордую запись, помеченную 14 декабря, что очень важно всегда как свидетельство какого-то отсчета. Это общеизвестная запись, смысл

которой сводится к тому, что печатать он этого не будет, в связи с указанием высшего центра заменить слово «кумир».

Здесь, доведенный всеми обстоятельствами («Современник», безденежье...), он решает эту вещь опубликовать, для чего и отдает ее переписчику, и начинает правку «Медного всадника». Эта правка – свидетельство действительно тяжелого душевного состояния, потому что не только гений, но и рядовой работник не будет так калечить произведение, про которое он прекрасно знает, что оно является вершинным созданием его творчества. Он заменяет, например, слово «кумир» словом «седок». Неравнозначно это даже для современного поэта-переводчика, видно именно отчаяние. Но, проводя вот такую хладнокровную и непущинскую работу, как он поступает? Он бросает это, запикивает эту рукопись в стол, то есть отказывается от своего намерения печатать, пережив это унижение лишь за столом, и пишет стихотворение «Памятник». Стихотворение, безусловно, на мой взгляд, реактивное. Реактивное на всю ситуацию, сложившуюся вокруг него. Стихотворение, адресованное современнику. Анализ текста «Памятника» вместе с его правкой дает целый ряд возможностей наблюдения за противоречивым ходом пушкинского настроения в процессе создания «Памятника». То этот «Памятник» адресует себе, то он адресует другим, то он адресует потомкам, и это я тоже пытаюсь проанализировать.

Я рассматриваю «Памятник» как стихотворение защитное, брошенное с вызовом, но никак не завещательного характера. Я рассматриваю ретроспективно все, что осталось от Пушкина, вплоть до его страстного цикла, который является, безусловно, новым Пушкиным, тем Пушкиным, из которого можно экстраполировать, чем же он мог заниматься. Хотя тут уже пути Господни неисповедимы. Этого нам не представить, но все-таки перспективы работы абсолютно намечены. Я об этом тоже пишу.

Пафос моей работы – сказать о том, что Пушкин вовсе не кончался. Это пафос, не научная сторона дела. А в принципе я хотел какой-то другой испытать метод подхода, а именно – все время думать о Пушкине в целом. И вот это усилие – думать все время о всем Пушкине как о едином тексте и о каждой капле, отражающей море, и о каждом море, вмещающем каждую каплю, вот так я пытался это написать.

Может быть, последняя глава является наиболее спорной в таком, диссертационном, рассмотрении. Дело в том, что Пушкин (чему обстоятельно посвящено время и пространство в этой работе) строит и свою жизнь в связи со своей поэзией, и свою поэзию в связи со своей жизнью. Это позволяет нам, кстати, до сих пор рассматривать и то и другое в какой-то целостности. Никакого противоречия в этом нет, у него судьба и творчество, тексты не расходятся, во всем этом наблюдается единство, еще контролируемое самим поэтом на протяжении всей жизни, в чем я

вижу и огромную часть его подвига. Но в тот момент, когда его привозят (а по композиции так получается, что в первой главе я его увожу на дуэль, а в последней привожу), привожу я его с дуэли после того, как пытался доказать, что он готов к новой жизни. И вот когда его привозят с дуэли, то он очень интересуется одним вопросом (и очень благодарен врачу за честный ответ): будет он жив или нет? И в этом можно усмотреть как нормальное мужество человека, так и другой аспект: Пушкин несет очень большую ношу, а именно – ношу этого единства текста и судьбы. С момента, когда ему сказано, что больше жизни нет, это первый и единственный отрезок его жизни, когда он больше ничего уже не напишет. И это единство с письмом, с работой ему уже соблюдать не надо. Страданий физических вполне достаточно и нравственных тоже. И весь его текст, который остался в подробной записи Жуковского и других присутствовавших при его кончине, становится единственным текстом, уже не рукой писаным, а текстом его поведения. А поскольку оно никогда не отделялось от творчества и всегда находилось в единстве с ним, то я имею какую-то такую решимость рассмотреть его последние слова тоже как текст.

Чуть больше, чем за год до смерти, он кончает конспектировать «Петра» Голиковского и ставит совершенно неожиданную дату именно на конспекте, посвященном смерти Петра. Дату на конспектах обычно не ставят, а тут он ставит 14 декабря (опять оно вмешалось). Значит, он придал этому какое-то значение. И он подробно пишет, конспектирует обстоятельства смерти Петра. И когда я сопоставил эти абсолютно неизвестные друг с другом тексты, а именно: конспект Пушкина смерти Петра и письмо Жуковского отцу поэта по поводу смерти Пушкина (а надо учесть, что в это время конспект лежит в сундуке неразобранный, никто его не читал), то возникают какие-то поразительные параллели, они, конечно, никак не могут претендовать на настоящие текстологические параллели, это только параллели, наводящие на мысли, и к настоящим выводам тут прийти нельзя, но тем не менее параллели эти очевидны. Пушкин умирает. Кстати сказать, в этот же день готовится <умереть> Петр. Пушкин в этот день не умер, а Петр в этот день умирает. Человек, который посвятил себя на протяжении уже 12 лет непосредственно, наверное, на 50% Петру, не может об этом не знать. По моим представлениям, Пушкин вообще очень сильно себя соотносил с Петром, хотя это и не выходило в смешную сторону такого преувеличения, так что, с 25 года начиная (25-ый – это год созревшего Пушкина, Пушкина, вышедшего на мировую дорогу), он уже начинает заниматься Петром, и это занятие непрерывное. Это было не только пушкинской идеей, это носилось в воздухе, и самому Пушкину изрядно навязывали, что писатель с гением накануне декабрьского восстания сделает не менее, а может, и более Петра. Об этом ему говорили Жуковский, Бестужев, и это, по-видимому, носилось в воздухе. Он, в отличие

от таких пожеланий, это все на себя принял и, по-моему, осознавал свою роль уже как историческую, не в смысле пышности, а в смысле реальной значимости для России. Поэтому я думаю, что эти сопоставления смертей имеют под собой некоторую основу. Конечно, он умирает, поставив, на мой взгляд, самую гениальную точку всего текста. Вот если рассматривать его жизнь как весь текст, последняя глава у меня называется «Поведение как текст», он ставит самую идеальную точку, какую можно только вообще вообразить. Это: «Кончена жизнь, жизнь кончена». Никаких более великих посмертных слов я не знаю, они смотрятся какой-то идеальной точкой вот этого единого, героического текста – подвига Пушкина.

Левон Мкртчян. – Я хочу сказать, что то, как Андрей изложил, это действительно прекрасно в смысле содержания его работы. Но тут есть еще один момент, о котором он не сказал и не мог сказать. Это сам текст диссертации и, собственно говоря, об этом рассказывать невозможно, потому что тут все содержательно, и для того, чтобы полностью раскрыть этот текст, надо весь этот текст прочитать, потому что все тут значимо, каждая фраза. Например: «И уже не столько Пушкин наш национальный поэт, сколько отношение к Пушкину стало как бы национальной нашей чертой». Это найденный текст, найденные фразы, найденное слово. Предположим: «...если ругать Толстого – ничего, сойдет, даже прислушиваются, если Пушкина, – могут выцарапать глаза. Тут даже русский ошутит себя русским». Тут какой контекст? Тут уже говорится о том, что это не так сильно развито в русском (может, это так, а может, не так), во всяком случае, автор сожалеет, что недостаточно сильно развито вот это национальное чувство. «Не трожь святыню, достоинство этой святыни в том, что ее никак не удастся ни скомпрометировать, ни раздуть, она естественна и принадлежит». Я хочу сказать, что это написано изумительным языком, и все время прослеживается за текстом текст, а в ритме – его пристрастия (то, что он любит, и то, что он не любит), и все время здесь прослеживается выход в современность. «Его пуля в нас палит, его рана нам светит», это не просто красивые слова. Я всегда держался той точки зрения, что чрезвычайно важно не просто высказать мысль, а еще найти формулировку. «Надо в жизни оставить след», но неизвестно, что за следы: «Выполним решения XXV съезда» – неизвестно, какие решения, как выполнять и так далее. А вот там, где найдено, там читаешь: «По плодам их узнаете их» написано в Евангелии. Эта мысль найдена, это действует, это оказывает воздействие на человека, и тут все время так. Вот смотрите, о «Памятнике»: «Памятник» – это генерал-фельдмаршал, главнокомандующий над всеми стихами Пушкина. Здесь есть что-то такое, поднимающее «Памятник», и что-то такое, что не поднимает «Памятник», наоборот. Но все это надо проследить, и когда так говоришь, тоже, может, грубо получается.

Всегда несколько странно, когда памятник известнее, чем человек, еще страннее, когда он главнее.

Андрей Битов. – Работа, по-видимому, в каком-то плане приблизилась к ученому труду, потому что тут приходилось что-то говорить не от свободы, а как раз от какой-то высшей несвободы: предмет больно высок. Я эпитафия взял: «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? Черт с ними, слава Богу, что потеряны. Он исповедовался в своих стихах невольно, увлеченный восторгом поэзии. Оставь любопытство толпе, и будь заодно с гением». И вот быть заодно с гением – это была такая задача, которая все время ставила самого себя на место. Я думаю, что это и есть научное руководство. Может ударить по рукам так, что потом будет очень стыдно.

Левон Мкртчян. – Это правильно, потому что сам текст тоже поднимает, но надо уметь, если пишешь о таком гении, как Пушкин, твое изложение должно соответствовать тому, о чем ты пишешь, не только по мысли, но и по форме. У нашего Амо Сагияна есть чудная мысль: один ученый, академик, говорит ему: «Прочел ты мою книгу?» Он говорит: «Прочел». «Ну как, понравилось?» – «Знаешь, когда я переходил от цитат к твоему тексту (а он цитировал гениальных поэтов), у меня было такое ощущение, как будто самолет летит на десятикилометровой высоте и кто-то открывает дверь и выбрасывает меня из этого самолета». Конечно, сам текст поднимает. Вообще-то, я уже говорю не о таком человеке, как автор Андрей Битов, но даже о людях с гораздо более скромными возможностями: автор всегда поднимает тебя, если ты не совсем дурак. Поэтому даже талантливый человек о посредственном писателе ничего хорошего не может написать, потому что, если тыходишь в комнату, где ничего нет, то ты ничего не увидишь. Другое дело, если в комнате что-то есть и кто-то это видит, а кто-то нет. Но чтобы ты это увидел, надо, чтобы это «что-то» там было. И я хочу сказать, что в данном случае автор увидел. И его книга чрезвычайно обогащает, этой книгой можно наслаждаться и, как говорил Шкловский, надо читать это медленно. Это надо читать медленно, наслаждаться и читать с карандашом в руке. Есть ли у вас какие-нибудь вопросы?

Андрей Битов. – Я рассчитываю, что в этом году я опубликую, но к ней надо добавить аппарат, который в принципе есть, но мне не хотелось засорять текст аппаратом, потому что я готовил его к публикации для широкого читателя. Когда я учился в ИМЛИ (у меня было такое авантюрное учение в ИМЛИ), Сучков (в 1968-1974 г. директор ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР – К. С.) вопрос решал принципиально, могу я быть аспирантом или нет. И, уже решив его принципиально, он позволил все. И уже соответственно, раз шеф позволил все, то мне позволялось все. Я очень не хотел, там надо в срок сдавать главу первую. Она должна быть

по форме написана. Промежуточную работу я сдал, а вот первую главу, я сказал, можно, я напишу в виде трактата и комментариев, вот такой аппарат вынесу за скобки, чтобы не ломать свою естественную речь. Напишу проблему, как я пишу, а потом снабжу ее настоящим аппаратом. Мне позволено было тогда. Но потом он умер, и пришел другой и сказал, пусть несет первую главу, как положено. В ответ я не вернулся из академического отпуска. Конечно, к сожалению, ряд гипотез оказался от меня отнятым, и теперь он войдет в аппарат. Я думал, что «изобрел порох», но, как оказалось, я изобрел целый ряд «порохов». Были корневые гипотезы, и они оказались выхваченными. Я так рассердился на покойного Благого! Я считал это своим открытием. Анализ текста «Последний из свойственников» в связи с письмом Геккерена. Нигде не встречал, что только в 1929 году впервые была доказана вообще самостоятельность этого произведения, а до того все загадочно разводили руками, мол, зачем он эту подделку сделал. Юридически оно остается последним художественным текстом Пушкина, потому что это типичная проза, типичная новелла. Но меня осенило, что это безусловная запись истории с Геккереном. Я сопоставил параллельно с письмами, все получилось, все сложилось, а потом вдруг – бах! Оказалось, что Благой это сделал. И таких совпадений много. Но когда я натыкаюсь на Тынянова, мне не так обидно. Я вдруг обнаружил, откуда взялся тунгус. Пушкин – человек конкретный, он перечисляет все нации, которые он знает, он их видел, он с ними общался, и вдруг откуда-то появился тунгус. Это мне казалось так странно, пока я не нашел письмо к Кюхельбекеру, в котором он говорит, что тунгусы, звери тунгусы, ему гораздо симпатичнее, чем расчетливые буряты. Для бурят, конечно, обидно. Но это оттуда, и по деталям это подходило. Но оказалось, что в предисловии к Кюхельбекеру Тынянов уже эту вещь наблюдал. Когда у Тынянова находишь, то тогда ясно, что ты правильно думал, он просто жил раньше тебя. Это делает даже честь твоему неофильству, такое подтверждение.

Левон Мкртчян. – Андрей очень остроумно говорит: «мне надо к диссертации написать список неиспользованной литературы».

Андрей Битов. – Кстати, вы же дружите с Лидией Яковлевной Гинзбург, да? Была замечательная история, когда она выпустила книгу о лирике, и в то же время у нее была замечательная книга о блокаде, такой дневник блокадного человека, который, кстати, фрагментарно был опубликован в «Неве». Это чудо. В «Неве» за прошлый год. Кто не читал, посмотрите, просто удивительное сочинение. Эта книга ходила, так сказать, по рукам. И вот один из писателей, прочитав излияния и восторги, говорит ей: «Лидия Яковлевна, вы же такой замечательный стилист, вы так замечательно пишете, но почему же вы так тяжело пишете свои книги? Я вот с трудом читаю о лирике. Вижу, что замечательно, но читаю с трудом». А

она таким басом ответила: «Но ведь я же профессор. Мне должны ведь деньги платить. Так говорят настоящие профессора».

Левон Мкртчян. – Ну что ж, прекрасно. Но в обсуждении вообще надо, чтобы кто-то говорил.

Андрей Битов. – Я бы с удовольствием что-то выслушал, если кто-то скажет.

Левон Мкртчян. – Ну, ничего, мы потом впишем, они это все прочитают. У нас сейчас были трудные дни, а теперь, сегодня защита дипломных работ уже кончилась, у нас еще целый месяц до сессионных экзаменов. Они все читали дипломные работы, писали отзывы, а теперь у них будет отдых, они прочтут эту книгу, и тогда они просто для протокола впишут маленькие выступления. Для протокола. Ну что, спасибо всем вам.

Андрей Битов. – Спасибо всем большое. Я, честно говоря, не очень доволен выступлением. Потому что я полугриппую, и чувствую себя как-то...

Левон Мкртчян. – Нет, выступление было очень хорошим, только вот у Карины (К.М.Мхитарян, сотрудница кафедры – К.С.) есть один вопрос. Она всегда вопросы задает...

Андрей Битов. – Перебыю, у меня выйдут грузинские книги, и я как бы решил нейтрализоваться. Меня гораздо больше сейчас беспокоит постановление в связи с тем, что...

Левон Мкртчян. – О водке? Да?

Андрей Битов. – Там есть такое место, что надо покончить с пропагандой алкоголя в художественных произведениях, в телевизоре. Я боюсь, что это и будет первая мера, которая произойдет. Все худсоветы, все редсоветы, все они, советы, начнут заниматься снятием, уничтожением бутылок на бумаге, да?

Левон Мкртчян. – Да. Это ужасно. Это со мной уже было. Ты пишешь, что этот был пьяница и негодяй, слово «пьяница» нельзя, вычеркивают.

Андрей Битов. – У меня там есть глава, посвященная как раз самогонварению. Вообще такая веселая, хорошая глава. Я сейчас думаю, как бы мне там чего-то не потерять. Она действительно может стать хуже.

Левон Мкртчян. – Единственное, что это постановление может иметь такое...

Андрей Битов. – Про Пушкина тоже вот интересно. Насколько он был пьяницей. Вопрос очень неизученный. В 20-ые годы была конференция научная на тему: «Курил ли Пушкин?» Но тогда были настоящие пушкиноведы, да и те не пришли к полному выводу. А вот, пил ли Пушкин, это тоже интересная проблема. Есть вот свидетельство его лакея, что он очень любил лимонад. Бывало, как сядет работать, так подавай ему лимонада. А пил, говорят, так, то есть посредственно. Но есть свидетельства о том, что

в каких-то случаях он напивался и напивался до какого-то чуть ли не свинского поведения, до безобразия, в частности, с Мицкевичем были какие-то столкновения. Я, все равно, вполне психологически понимаю, это манера России обязательно расшаркиваться перед Западом и она имеет свою традицию: сколько ни поливают Запад, а все равно вдруг начинают к нему подлизываться. Мицкевич, естественно, был европеец. А Пушкин все время невыездной, он все время никуда не выезжает, и вдруг, когда он Мицкевича видит равного себе, так сказать, по масштабу мирового поэта, а вот там общество, в которое их позвали, производит определенную дискриминацию между гостем и завсегдатаем, и тогда Пушкин, естественно, напивается, а в свидетельствах остается, мол, «как прекрасен Мицкевич и как безобразно себя вел Пушкин». А Булгарин, значит, произносит свое знаменитое высказывание, один из непосредственных откликов на смерть: «Хоть и поэт великий..., а человек был дрянной. Можно ли было его переносить, особенно в пьяном виде?» Это опять свидетельство того, что в пьяном виде он был для многих очень неудобоварим. То ли говорил, что думал, то ли пользовался острым языком, но на самом деле пьяницей он не был, а Арина Родионовна сильно его прижимала, она ведь прижимистая была старушка. Она ему этот самый штофчик выдавала: «Выпьем с горя, где же кружка?», она его и на дровах постоянно прижимала. Ему холодно все было. Пущин приехал, и Пушкин впервые согрелся. Она ему печку как следует затопила. Она была замечательная. Речь, по-видимому, тогда была у народа. У него было ухо, а у нее была речь.

Левон Мкртчян. – Ну, ничего, я думаю, это постановление постепенно... Вот тут мне говорят, что армянское крестьянство пострадает, потому что в деревнях все варят самогон и пьют. Ну, я думаю, что нас не будут прижимать.

Андрей Битов. – Дело в том, что там написано, что уголовная ответственность не за распространение, а за сам факт варения.

Левон Мкртчян. – Но в деревнях все варят, никто не покупает в магазинах водку. А как же восточная поэзия, вся на вине?

Андрей Битов. – Проще, конечно, вычеркнуть бутылку из всякого текста.

Ключевые слова: *Битов, Мкртчян, Ереванский университет, Пушкин, диссертация, обсуждение*

ՎԱՐԻՆԵ ՍԱՀԱԿՅԱՆՑ – Հևոն Մկրտչյանի արխիվից. Անդրեյ Բիտովը ԵՊՀ ռուս գրականության ամբիոնում, 1985 թ. – Անդրեյ Բիտովին նվիրված սույն հրատարակումը նախորդ համարում (2019, № 1, էջ 19-43) տեղ գտած հրատարակման շարունակությունն է: Հևոն Մկրտչյանի օրագրի գրառումները, ինչպես նաև ներածական մասում տրված այլ մանրամասներ լույս են սփռում ռուս գրողի կենսագրության և ստեղծագործական կյանքի մի ուշագ-

րավ փաստի վրա (Լ. Մկրտչյանի նախաձեռնությամբ Բիտովը փորձ էր արել - Պուշկինին նվիրված թեկնածուական ատենախոսություն պաշտպանել ԵՊՀ-ում), նաև ներկայացվում են հայ գործընկերների հետ շփումների բարեկամական բնույթը, ոճը և ստեղծագործական այլ հարցեր:

Բանալի բառեր – *Բիտով, Մկրտչյան, Երևանի համալսարան, Պուշկին, ատենախոսություն, քննարկում*

KARINE SAHAKYANC – *From the Archives of Levon Mkrtchyan: Andrei Bitov at the Department of Russian Literature of the Yerevan State University, 1985* –

The present paper, dedicated to the memory of Andrei Bitov, is a continuation of the first publication (see N1, 2019, pp.19-43). L. Mkrtchyan's diary entries presented in the introductory note to this publication, as well as other details of the published text highlight the noteworthy fact of the biography and creative work of the outstanding Russian writer (Bitov's attempt supported by Mkrtchyan's initiative to defend his text about Pushkin as a PhD thesis at the YSU), also reflecting the ingenious and friendly nature, style and creative level of his relations with Armenian colleagues.

Key words: *Bitov, Mkrtchyan, Yerevan University, Pushkin, disertation, discussion*

Поступление: 17.06.2019

Рец.: 27.06.2019

Принято к печати: 15.07.2019